

Эта ночь определённо была очень необычной.

Фань Сяня настиг приступ поэтического безумия, а гениальный Чжуан Мохань удручённо покинул сцену. Император дал всем понять, что покровительствует старшему сыну семьи Фань. Положение наследного принца оставалось стабильным. Так что и посланники города Восточных варваров, и главы министерств, вернувшись по домам, обсудили всё, что видели сегодня, со своими приближёнными или спутниками. Но повергло всех в шок и обсуждалось чаще всего, конечно, сегодняшнее выступление наблюдателя восьмого ранга Фань Сяня.

Общее заключение было таково: молодой господин Фань действительно гений поэзии.

Конечно, кое-кто подозревал, что Фань Сянь написал эти стихи за несколько лет, а сейчас, вспыхив, за одну ночь выдал их все. Ведь всё-таки у этих стихов был разный настрой, они описывали непохожие чувства, и если кто-то за одну ночь испытывает столь сильные колебания настроения, да ещё и, обуреваемый такими острыми переживаниями, способен творить, такой поэт наверняка может сойти с ума.

Но как бы там ни было, все сочли Фань Сяня незаурядной личностью. Ну у какого обычного человека хорошие стихи растут, словно капуста на грядке? Надо ведь не только не утомиться, собирая их, но ещё и вырастить.

Одним словом, в государстве Цин в этом мире, все прекрасные литературные творения того мира, изящные, звучные или полные тоски, вольно или невольно, благодаря Фань Сяню стали неотъемлемой частью культурного наследия.

В этих стихах люди находили непонятные им цитаты, неясные места, которые они оправдывали нечётким произношением подвыпившего Фань Сяня и собирались расспросить поподробнее, когда он протрезвеет. Что же касается того, придётся ли Фань Сяню, чтобы выкрутиться, в будущем записать общую историю Китая и Четыре Великих Творения*, или же он, чтобы избежать неприятностей, не станет ничего пояснять в ущерб своей славе, это уже другая история.

В повозке, возвращающейся в поместье, Фань Сянь всё ещё крепко спал. Позже кто-то от нечего делать подсчитал, что, хотя пока было неизвестно, сколько стихов он написал на императорском пиру в ту ночь, он выпил целых девять цзиней** императорского вина. Поэтому, когда рождались стихи, которым суждено опьянить многих учёных Поднебесной, он сам был пьян до умопомрачения.

Евнух поднял его, источающего винные пары и полного молчаливой тоски, из-под ног императора и вынес из дворца. Благодаря ему Фань Сянь не свалился в обморок под всеми взглядами смотрящих на него, как на небожителя.

Погрузив его в повозку из поместья Фань, дворцовые евнухи тщательно указали слугам из поместья как следует позаботиться о своём хозяине. Ведь все почтенные гости говорили, что голова их хозяина — сокровище государства Цин, никак нельзя повредить её при тряске.

Когда повозка прибыла в поместье Фань, его обитатели уже давно были осведомлены, что их старший молодой хозяин снискал большую славу перед императором, утёр нос Чжуан Моханю, и всё поместье гордилось этим. Слуга с восторгом вынес его из повозки на спине, госпожа Лю лично указывала дорогу в его спальню, а потом сама отправилась на кухню варить отрезвляющий суп. Фань Жожо, беспокоясь, что служанки недостаточно осторожны, сама аккуратно отжала полотенце и смочила его пересохшие губы.

Разбуженный Фань Сычжэ тёр заспанные глаза, завистливо и одновременно восхищённо глядя на пьяного до беспамятства старшего брата. Граф Сынань работал в своём кабинете, улыбаясь с таким видом, словно получил утешение в старости, и даже неграмотные слуги могли понять это по его лицу. Он думал, что следует написать в докладной записке императору. Скорее всего, император не станет удивляться произошедшему с Фань Сянем, ведь тот всё-таки дитя Тяньмай.

Время шло к глубокой ночи, и после краткого возбуждения все постепенно разошлись, не решаясь нарушать пьяный сон Фань Сяня. Но в этот момент он резко открыл глаза и сказал присматривающей за ним сестре:

— В моём поясе, голубые пилюли.

Жожо увидела, что он очнулся и на вопросы нет времени, быстро подошла и, нащупав пилюлю в поясе, осторожно скормила её Фань Сяню.

Фань Сянь надолго закрыл глаза, медленно перемещая свою истинную ци, понимая, что эта отрезвляющая пилюля действительно имеет чудодейственный эффект: совершенно прошла тяжесть в груди, из головы полностью выветрился хмель. Конечно, он не был по-настоящему пьян, а не то во время декламации на пиру он мог бы по неосторожности прочесть стихи такими, какими писали их подлинные авторы, — вот было бы замечательно.

— Я беспокоюсь, что кто-то придёт проведать меня посреди ночи. В конце концов, я сейчас должен быть беспробудно пьян, — Фань Сянь хмурился, с помощью сестры одеваясь в чёрную маскировочную одежду. Его глаза смотрели ясно и спокойно: на самом деле на пиру он не был так уж сильно пьян.

— Не должны. Я сказала всем, что этой ночью лично позабочусь о тебе. — Фань Жожо знала, что он собирался сделать, и не могла не беспокоиться.

— Госпожа Лю... — Фань Сянь снова нахмурился. — Может она прийти присмотреть за мной?

— Я послезу здесь, никто не должен входить, — Фань Жожо тревожно посмотрела ему в глаза

и тихо сказала: — Но лучше поторопиться, брат.

Фань Сянь коснулся кинжала в сапоге, трёх тонких иголок в волосах и пилюль в поясе. Убедившись, что полностью готов, он покивал головой:

— Я постараюсь как можно скорее.

Из поместья он выбрался кружным путём, через приготовленное жилище будущих молодожёнов. Фань Сянь был одет в чёрное, и заметить его под покровом ночи было чрезвычайно трудно. Лишь когда он перемещался, его быстрые движения создавали впечатление перетекающей тьмы, и выглядело это немного потусторонне. Когда он спрыгнул со стены, огораживающей двор, его уже поджидала там повозка.

Из-под чёрного платка Фань Сяня виднелись только глаза. Он нахмурился: хотя в столице и не было комендантского часа, однако ночью улицы строго охранялись. После происшествия на улице Нюлань в городской страже навели жёсткий порядок, поэтому сейчас появилось много серьёзных ограничений. Так что Фань Сянь оставил мысль о поездке в повозке, вздрогнул всем телом, приводя в движение истинную ци, быстро набрал скорость и исчез в темноте ночных улиц.

От поместья Фань до дворца было вовсе не далеко, и спустя малое время Фань Сянь уже коснулся подножия западной стены Запретного города. Там дворцовые служители могли общаться с внутренним городом, и обычно место было очень оживлённым, однако сейчас, глубокой ночью, всё уже стихло. Под прикрытием низкого дерева, согнувшись пополам, Фань Сянь спрыгнул на берег канала Яшмовый пояс**, левой рукой уцепился за каменное ограждение и, словно коала, двинулся вперёд.

Впереди ярко светили огни, но на реке было тёмно. Фань Сянь не смел проявлять беспечность: полагаясь на непрерывно текущую в его теле жёсткую истинную ци, он двигался осторожно, едва дыша.

Неизвестно за сколько времени, но всё же он обогнул два арочных моста и добрался до укромной роицы в стороне от императорского дворца. Фань Сянь немного расслабился, открыл рот и сделал несколько быстрых вдохов, чувствуя, что постепенно возбуждается, словно его опасные занятия доставляли ему настоящее наслаждение.

Примыкающая к роще стена дворца имела в высоту не менее пяти чжанов***, и поверхность её была такой гладкой, что зацепиться было совсем не за что. Даже сильнейшие мастера боевых искусств в Поднебесной не смогли бы её перепрыгнуть. Конечно, с точки зрения тех немногих людей ранга грандмастера, следовало ещё проверить на практике, выполняет эта стена свою задачу или нет.

Фань Сянь не был одним из четырёх грандмастеров, но у него были другие методы. Алая штукатурка на стене перед ним в темноте казалась синеватой. Он, словно тень, пригибаясь к земле, пронёсся из леса к стене и нашёл слепую зону, куда не доставал свет дворцовых

фонарей. Он усилием воли успокоил свои мысли, сел, скрестив ноги, и принялся медленно превращать свою жёсткую истинную ци, проходящую через точку Сюэшань, в тёплые нити ци, упорядочивая своё состояние.

Во внутренних покоях, недалеко от дворца Добродетели, Хун Сыян тихо сидел в своей комнате. Вдовствующей императрице сегодня нездоровилось. Когда император рассказывал о забавном происшествии на сегодняшнем придворном пиру, она, услышав, что Чжуан Мохань разгневался на Фань Сяня настолько, что закашлялся кровью, не удержалась от улыбки. Но ей словно было как-то по-стариковски грустно, так что она рано легла спать.

Хун Сыян жил во дворце десятилетиями, и молодые евнухи не знали, сколько ему лет, по прикидкам, должно было быть семьдесят-восемьдесят. В любом случае, теперь у Хун Сыяна во дворце оставалась лишь одна работа — составлять компанию вдовствующей императрице за беседой. Он служил здесь со времени основания государства Цин. В молодости он любил покидать дворец и ходить гулять, но к старости понял, что нет никакой разницы между жизнью снаружи и внутри дворца.

Хун Сыян взял арахис, положил в рот и захрустел им, затем поднял чашечку и с удовольствием отпил глоток. Масляная лампа на столе тускло светила. Подумав о том, что сегодня устроил молодой господин Фань в пьяном угаре, старый евнух невольно растянул рот в улыбке. Хотя он и был старшим евнухом, он всё же был старшим евнухом в государстве Цин, и то, что Северная Ци попала впросак, улучшило его настроение.

Кабинет императора в другом крыле дворца был ярко освещён, намного ярче, конечно, чем комнаты евнухов. Этот император был просвещённым правителем, заботящимся о народе, поэтому он часто по ночам пересматривал докладные записки. Евнухи к этому давно привыкли и только держали наготове подогретые в тёплой воде закуски, ожидая вызова в любое время.

Сегодня, поздней ночью после дворцового пира, император всё ещё усердно трудился. Он сидел за столом, держа в руке писчую кисть, кончик её был в ярко-красной туши, похожий на нож тайного убийцы. Внезапно кончик кисти завис в воздухе над документом, и император нахмурил брови.

Стоящий в стороне евнух-секретарь тихонько сказал:

— Ваше величество, наверное, устали, может быть, отдохнёте немного?

Император с насмешкой спросил:

— Сегодня вечером на пиру, когда ты записывал стихи, неужто не стёр себе руки?

Евнух, поджав губы, улыбнулся:

— В нашей стране появился такой талантливый поэт, этот слуга желал бы записывать за ним каждый день.

Император поулыбался, но больше ничего не сказал, лишь изредка поднимал голову и поглядывал в окно, ощущая какое-то странное присутствие там, в темноте ночи.

Дворец велик, и летней ночью в нём очень тихо. Служанки дремали вполглаза, но не решались совсем заснуть. Стража тщательно охраняла за стенами, но во внутреннем дворце царил покой.

В углу стены, рядом с декоративной горкой, стоял У Чжу, одетый в новенькую сероватую одежду, сливающуюся с ночной темнотой. Единственное, что можно было бы заметить — глаза, — было закрыто чёрной лентой. С помощью какой-то боевой техники всё его тело сделалось похожим на окружающие его неживые предметы.

Его дыхание и сердцебиение замедлились до предела, слившись с овевающим его лёгким ночным ветром. Даже если бы кто-то прошёл рядом с ним, но не смотрел в его сторону намеренно, то, скорее всего, вряд ли бы обнаружил его присутствие.

Неизвестно, как долго У Чжу «смотрел» на свет в кабинете императора, а потом медленно опустил голову, надел чёрный капюшон и тихо пошёл в сторону другого крыла дворца. На своём пути он ловко избегал освещённых мест и использовал рельеф местности, скрывался в зарослях, исчезал среди искусственных гор, бесшумно обходил озёрца. Жуткий, как призрак, он, словно прогуливаясь, двигался по тщательно охраняемому внутреннему дворцу.

* устойчивое наименование для четырёх наиболее знаменитых романов китайской литературной традиции: “Троецарствие”, “Речные заводи”, “Сон в красном тереме” и “Путешествие на запад”

** 9 цзиней – 4.5 кг

*** реальный канал вокруг Запретного города в Пекине

**** 5 чжанов – примерно 16.6 метров

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1896281>